

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2017–2018 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [30 баллов] «КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ»

Прочитайте.

Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везёт, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, потому что был приобретён от какого-то заседателя, трудился от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие. «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю!» – говорил [кучер], приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. «Ты знай своё дело, панталонник ты немецкой! Гнедой почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему дам с охотою лишнюю меру, потому что он почтенный конь, и Заседатель – тож хороший конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить! Ишь, куда ползёт!» Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив: «У, варвар! Бонапарт ты проклятой!..» Потом прикрикнул на всех: «Эй вы, любезные!» и стегнул по всем по трём уже не в виде наказания, но чтобы показать, что был ими доволен. Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: «Ты думаешь, что ты скроешь своё поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение. Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек; с человеком хорошим мы всегда свои друзья, тонкие приятели: выпить ли чаю или закусить – с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник...»

1. [5 баллов] Определите, откуда взят этот отрывок. Напишите имя автора, название произведения, имена кучера, барина и «помещика».
2. [25 баллов] Представьте, что конь наделён даром речи. Что он мог бы сказать о своём владельце? Напишите монолог чубарого коня о кучере *и/или* о барине. Объём – около 200 слов.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы только один вариант: прозаический или стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Василь Владимирович Быков (1924–2003)

ЭСТАФЕТА

Он упал на заборонованную мякоть огородной земли, не пробежав всего каких-нибудь десяти шагов до иссечённого осколками белого домика с разрушенной черепичной крышей – вчерашнего «ориентира три».

Перед тем он, разорвав гимнастёрку, пробрался сквозь чащу живой изгороди, в которой с самого начала этого погожего апрельского утра гудели, летали пчёлы, и, окинув быстрым взглядом редкую цепочку людей, бежавших к окраинным домикам, замахал руками и сквозь выстрелы крикнул:

– Принять влево, на кирку!!!

Потом пригнулся, боднул воздух головой и, выронив пистолет, уткнулся лицом в тёплую мякоть земли.

Сержант Лемешенко в это время, размахивая автоматом, устало трусил вдоль колючей, аккуратно постриженной зелёной стены ограды и едва не наскочил на своего распостёртого взводного. Сперва он удивился, что тот так некстати споткнулся, потом ему всё стало ясно. Лейтенант навсегда застыл, прильнув русоволосой головой к рыхлой земле, поджав под себя левую ногу, вытянув правую, и несколько потревоженных пчёл суетились над его неподвижной пропотевшей спиной.

Лемешенко не остановился, только нервно подёрнул губами и, подхватив команду, закричал:

– Взвод, принять левее! На кирку! Эй, на кирку!!!

Взвода, однако, он не видел, два десятка автоматчиков уже достигли изгороди, садов, строений и пропали в грохоте нараставшего боя. Справа от сержанта, на соседнем подворье, мелькнуло за штaketником посеревшее от усталости лицо пулемётчика Натужного, где-то за ним показался и исчез молодой белокурый Тарасов. Остальных бойцов его отделения не было видно, но по тому, как время от времени потрескивали их автоматы, Лемешенко чувствовал, что они где-то рядом.

Держа наготове свой ППШ, сержант обежал домик, запылёнными сапогами хрустя по битому стеклу и сброшенной с крыши черепице. В нём тлела скорбь об убитом командире, чью очередную заботу, словно эстафету, подхватил он – повернуть взвод фронтом к церкви. Лемешенко не очень понимал, почему именно к церкви, но последний приказ командира приобрёл уже силу и вёл его в новом направлении.

От домика по узкой дорожке, выложенной бетонной плиткой, он пробежал до калитки. За оградой тянулся узкий переулок. Сержант взглянул в одну сторону, в другую. Из дворов выбегали бойцы и тоже оглядывались. Вон его Ахметов – выскочил возле трансформаторной будки, оглянулся и, увидев командира отделения посреди улицы, направился к нему. Где-то среди садов,

серых коттеджей и домиков с лютым ревом разорвалась мина, рядом на крутой крыше, сбитая осколками, сдвинулась и посыпалась вниз черепица.

– Влево давай! На кирку!!! – крикнул сержант и сам побежал вдоль проволочной ограды, отыскивая проход. Впереди из-за кудрявой зелени недалеких деревьев синим шпилем вонзилась в небо кирка – новый ориентир их наступления.

Тем временем в переулке один за одним появились автоматчики – выбежал низенький, неуклюжий, с кривыми, в обмотках, ногами пулеметчик Натужный; за ним – новичок Тарасов, который с самого утра не отставал от опытного, пожилого бойца; с какого-то двора лез через изгородь увалень Бабич в подвёрнутой задом наперёд зимней шапке. «Не мог найти другого прохода, тюфяк», – мысленно выругался сержант, увидев, как тот сначала перебросил через забор свой автомат, а потом неуклюже перевалил нескладное, медвежье тело.

– Сюда, сюда давай! – махнул он, злясь, потому, что Бабич, подняв автомат, начал отряхивать запачканные колени. – Быстрой!

Автоматчики наконец поняли команду и, находя проходы, исчезли в калитках домов, за строениями. Лемешенко вбежал в довольно широкий заасфальтированный двор, на котором разместилось какое-то низкое строение, видно, гараж. Вслед за сержантом вбежали сюда его подчиненные – Ахметов, Натужный, Тарасов, последним трусил Бабич.

– Лейтенанта убило! – крикнул им сержант, высматривая проход. – Возле белого дома.

В это время откуда-то сверху и близко прогрохотала очередь, и пули оставили на асфальте россыпь свежих следов. Лемешенко бросился в укрытие под глухую бетонную стену, что огораживала двор, за ним остальные, только Ахметов споткнулся и схватился за флягу на поясе, из которой в две струи лилась вода.

– Собаки! Куда угодили, гитлерчуки проклятые...

– Из кирки, – сказал Натужный, всматриваясь сквозь ветви деревьев в сторону шпиля. Его невесёлое, попорченное оспой лицо стало озабоченным.

За гаражом нашлась калитка с завязанной проволокой щеколдой. Сержант вынул финку и двумя взмахами перерезал проволоку. Они толкнули дверь и оказались под развесистыми вязами старого парка, но тут же попадали. Лемешенко резанул из автомата, за ним ударили очередями Ахметов и Тарасов – меж чёрных жилистых стволов бежали врассыпную зелёные поджарые фигуры врагов. Неподалёку за деревьями и сетчатой оградой виднелась площадь, а за ней высилась уже ничем не прикрытая кирка, там бегали и стреляли немцы.

Вскоре, однако, они заметили бойцов, и от первой пулёмётной очереди брызнула щебёнка с бетонной стены, засыпав потрескавшуюся кору старых вязов. Надо было бежать дальше, к площади и к кирке, преследуя врага, не слезать с него, не давать ему опомниться, но их было мало. Сержант посмотрел

в сторону, – больше пока никто не пробрался к этому парку: чертовы подворья и изгороди своими лабиринтами сдерживали людей.

Пулемёты били по стене, по шиферной крыше гаража, бойцы распластались под деревьями на травке и отвечали короткими очередями. Натужный выпустил с полдиска и утих – стрелять было некуда, немцы спрятались возле церкви, и их огонь с каждой минутой усиливался.

Ахметов, лёжа рядом, только сопел, зло раздувая тонкие ноздри и поглядывая на сержанта. «Ну а что дальше?» – спрашивал этот взгляд, и Лемешенко знал, что и другие тоже поглядывали на него, ждали команды, но скомандовать что-либо было не так-то просто.

– А Бабич где?

Их было четверо с сержантом: слева Натужный, справа Ахметов с Тарасовым, а Бабич так и не выбежал со двора. Сержант хотел было приказать кому-нибудь посмотреть, что случилось с этим увальнем, но в это время слева замелькали фигуры автоматчиков их взвода – они высыпали откуда-то довольно густо и дружно ударили из автоматов по площади. Лемешенко не подумал даже, а скорее почувствовал, что время двигаться дальше, в сторону церкви, и, махнув рукой, чтобы обратить внимание на тех, кто был слева, рванулся вперёд. Через несколько шагов он упал под вязом, дал две короткие очереди, кто-то глухо шмякнулся рядом, сержант не увидел кто, но почувствовал, что это Натужный. Затем он вскочил и пробежал ещё несколько метров. Слева не утихали очереди – это продвигались в глубь парка его автоматчики.

«Быстрее, быстрее», – в такт сердцу стучала в голове мысль. Не дать опомниться, нажать, иначе, если немцы успеют осмотреться и увидят, что автоматчиков мало, тогда будет плохо, тогда они здесь завязнут...

Пробежав ещё несколько шагов, он упал на старательно подметённую, пропахшую сыростью землю; вязы уже остались сзади, рядом скромно желтели первые весенние цветы. Парк окончился, дальше, за зелёной провололочной сеткой, раскинулась блестящая от солнца площадь, вымощенная мелкими квадратами сизой брусчатки. В конце площади, возле церкви, сутились несколько немцев в касках.

«Где же Бабич?» – почему-то назойливо сверлила мысль, хотя теперь его охватило ещё большее беспокойство: надо было как-то атаковать церковь, пробежав через площадь, а это дело казалось ему нелёгким.

Автоматчики, не очень слаженно стреляя, выбегали из-за деревьев и залегали под оградой. Дальше бежать было невозможно, и сержанта очень беспокоило, как выбраться из этого опутанного проволокой парка. Наконец его будто осенило, он выхватил из кармана гранату и повернулся, чтобы крикнуть остальным. Но что кричать в этом грохоте! Единственно возможной командой тут был собственный пример, надёжный командирский приказ: делай как я. Лемешенко вырвал из запала чеку и бросил гранату под сетку ограды.

Дыра получилась небольшая и неровная. Разорвав на плече гимнастёрку, сержант протиснулся сквозь сетку, оглянулся – следом, пригнувшись, бежал Ахметов, вскакивал с пулемётом Натужный, рядом прогремели ещё разрывы гранат.

Тогда он, уже не останавливаясь, изо всех сил рванулся вперёд, отчаянно стуча резиновыми подошвами по скользкой брусчатке площади.

И вдруг случилось что-то непонятное. Площадь покачнулась, одним краем вздыбилась куда-то вверх и больно ударила его в бок и лицо. Он почувствовал, как коротко и звонко брякнули о твёрдые камни его медали, близко, возле самого лица брызнули и застыли в пыли капли чьей-то крови. Потом он повернулся на бок, всем телом чувствуя неподатливую жёсткость камней, откуда-то из синего неба взглянули в его лицо испуганные глаза Ахметова, но сразу же исчезли. Ещё какое-то время сквозь гул стрельбы он чувствовал рядом сдавленное дыхание, гулкой топот ног, а потом всё это поплыло дальше, к церкви, где, не утихая, гремели выстрелы.

«Где Бабич?» – снова вспыхнула забытая мысль, и беспокойство за судьбу взвода заставило его напрячься, пошевелиться. «Что же это такое?» – сверлил его немой вопрос. «Убит, убит», – говорил кто-то в нём, и неизвестно было – то ли это о Бабиче, то ли о нём самом. Он понимал, что с ним случилось что-то плохое, но боли не чувствовал, только усталость сковала тело да туман застлал глаза, не давая видеть – удалась ли атака, вырвался ли из парка взвод...

После короткого провала в сознании он снова пришёл в себя и увидел небо, которое почему-то лежало внизу, словно отражалось в огромном озере, а сверху на его спину навалилась площадь с редкими телами прилипших к ней бойцов.

Он повернулся, пытаясь увидеть кого-нибудь живого, – площадь и небо качались, а когда остановились, он узнал церковь, недавно атакованную без него. Теперь там уже не было слышно выстрелов, но из ворот почему-то выбегали автоматчики и бежали за угол. Закинув голову, сержант всматривался, стараясь увидеть Натужного или Ахметова, но их не было, зато он увидел бежавшего впереди всех новичка Тарасова. Пригнувшись, этот молодой боец ловко перебежал улицу, затем остановился, решительно замахал кому-то: «Сюда, сюда!» – и исчез, маленький и тщедушный рядом с высоченным зданием кирки.

За ним побежали бойцы, и площадь опустела. Сержант в последний раз вздохнул и как-то сразу и навсегда затих.

К победе пошли другие.

(1959)

Вариант 2

Яков Петрович Полонский (1819–1898)

* * *

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.

Он как титан колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он – уму,
И от богов не ждёт ответа.

Своим пророческим стихом
Тревожа сон мужей солидных,
Он сам страдает под ярмом
Противоречий очевидных.

Всем пылом сердца своего
Любя, он маски не выносит
И покупного ничего
В замену счастья не просит.

Яд в глубине его страстей,
Спасенье – в силе отрицанья,
В любви – зародыши идей,
В идеях – выход из страданья.

Невольный крик его – наш крик.
Его пороки – наши, наши!
Он с нами пьёт из общей чаши,
Как мы отравлен – и велик.

(1872)

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.